

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2025. Т. 9, № 2. С. 423–459.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 9, no. 2 (2025): 423–59.

Научная статья

УДК 94(47).084.6

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2025-9-2-4>

<https://elibrary.ru/gzwonx>

«Прорывы» в окружной организации ВКП(б) летом 1929 – летом 1930 г. (по материалам Вятского округа Нижегородского края)

Юрий Николаевич Тимкин

Вятский государственный университет,
Киров, Россия,

timkin43@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4584-1439>

Yuri N. Timkin

Vyatka State University,
Kirov, Russia,

timkin43@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4584-1439>

Аннотация. В статье анализируется образование и функционирование Вятской окружной организации ВКП(б) в 1929–1930 гг., когда в стране начались радикальные преобразования, прежде всего, в социально-экономической сфере. Главным источником исследования стали неопубликованные архивные материалы, находящиеся на хранении в фондах Центрального государственного архива Кировской области. В рамках институционального подхода указанная партийная организация рассматривается автором как ведущий политический институт округа, который был призван стать «двигателем» радикальных преобразований в стране. Анализ всего комплекса архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот, показывает, что деятельность окружной партийной организации сопровождалась целой серией «прорывов», то есть нарушений плана преобразований, который вынашивался руководителями страны. Особое внимание уделено недостаткам в штатах и кадровом обеспечении, в уровне образования, состоянии районного звена партийной организации. При анализе темы было установлено, что штатное расписание сельских райкомов абсолютно не соответствовало сложности и новизне решаемых задач, территориальному размеру районов и разбросанности партийных ячеек, а уровень образования ответственных партийных работников позволял им быть не более чем простыми исполнителями директив вышестоящих органов. Требуют дальнейшего изучения аспекты подбора и расстановки кадров в партийных комитетах, на которые ложилось основное бремя ответственности за ход преобразований. Сделаны выводы о противоречивой природе окружного звена в

© Тимкин Ю.Н., 2025

© Timkin Yu., 2025

партийной организации, о его неспособности предотвратить «прорывы» в деятельности, прежде всего, районных партийных организаций.

Ключевые слова: окружная организация ВКП(б), 1929–1930 гг., Вятка, райкомы, окружком, штаты, кадры, «прорывы», коллективизация

Для цитирования: Тимкин Ю.Н. «Прорывы» в окружной организации ВКП(б) летом 1929 – летом 1930 г. (по материалам Вятского округа Нижегородского края) // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2025. Т. 9, № 2. С. 423–459, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2025-9-2-4>; EDN: GZWONX

“Breaches” in the VKP(b) Okrug Organization in the Summer of 1929 – Summer of 1930 (Based on the Materials of Vyatka Okrug of Nizhny Novgorod Krai)

Abstract. The article examines the formation and functioning of the Vyatka Okrug VKP(b) organization in 1929–30, when radical transformations began in the country, primarily in the socio-economic sphere. Unpublished archival materials from the collection of the Central State Archive of Kirov Oblast constitute the main source of the research. Within the framework of the institutional approach, the above-mentioned party organization is considered by the author of the article as the leading political institution of the okrug, designed to become the “mover” of radical change in the country. An analysis of the entire complex of archival materials, which are introduced into scientific discourse for the first time, shows that the activities of the okrug party organization were accompanied by a series of “breaches,” that is, violations of the plan of transformation that was hatched by the country’s leaders. Particular attention is paid to the shortcomings in staff and staffing, level of education, and the state of the raion level of the party organization. The analysis of the topic under consideration showed that the staffing of rural raion committees did not correspond at all to the complexity and novelty of the tasks to be solved, the territorial size of the raions, the dispersion of party cells, and the level of education of responsible party workers allowed them to be nothing more than simple executors of higher-level directives. Various aspects of selection and placement of personnel in party committees, which bore the main burden of responsibility for the course of reforms, need further research. The article draws conclusions about the contradictory nature of the okrug level in the party organization and its inability to prevent “breaches” in the activities of raion party organization in the first place.

Keywords: VKP(b) okrug organization, 1929–1930, Vyatka, raion committee, okrug committee, staffing, personnel, “breaches,” collectivization

For citation: Timkin, Yu.N. ““Breaches’ in the VKP(b) Okrug Organization in the Summer of 1929 – Summer of 1930 (Based on the Materials of Vyatka Okrug of Nizhny Novgorod Krai).” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 9, no. 2 (2025): 423–59, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2025-9-2-4>; EDN: GZWONX

Введение

В современной России усиливается интерес к проблемам административно-территориального устройства, которое было унаследовано от СССР и не вполне отвечает как стоящим ныне задачам, так и федеративной природе государства. Отсюда вполне закономерен интерес к историческому опыту проведения реформ, в частности, к преобразованиям 1920–1930-х гг. Мы рассматриваем

тему в контексте радикальных социально-экономических и политических преобразований, проведенных в конце 1920-х – начале 1930-х гг. и в годы первых пятилеток. В современной отечественной историографии они анализируются через призму следующих концепций: модернизации¹, «революции сверху»², «милитаризированной экономики»³, «мобилизационной экономики»⁴. Реализация нового курса осложнялась внутривластной борьбой, развернувшейся между «генеральной линией» партии, которую олицетворял И.В. Сталин, с одной стороны, и Н.И. Бухариным и его сторонниками, выступавшими за развитие нэповских принципов, – с другой. Тех партийцев, кто уклонялся влево от «генеральной линии», называли «левыми»⁵, а вправо – «правыми»⁶. Процесс формирования понятия «генеральная линия», выразивший складывание единомыслия в партии, исследовал А.Л. Юрганов⁷.

Для крестьянской по социальному составу Вятской губернии первостепенное значение в те годы приобретали аграрные преобразования, направленные на создание колхозно-совхозной системы. Современное состояние историографии коллективизации рассмотрено в исследовании И.В. Гончаровой⁸. В

¹ Анфертьев И.А. РКП(б)–ВКП(б) и модернизация РСФСР/СССР в 1920–1930-е гг.: Программы преобразований и борьба за власть: дис. ... д-ра ист. наук. Российский государственный гуманитарный университет, 2019.

² Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. Москва: Наука, 2006; Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. Москва: РОССПЭН, 2010.

³ Малия М. Советская трагедия. История социализма в России. 1917–1991 / перевод с английского А.В. Юрасовского, А.В. Юрасовской. Москва: РОССПЭН, 2002.

⁴ Харченко И.С., Харченко Л.И., Иванов В.Е., Иванова Д.Е. Мобилизационная экономика: история и современность // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 146–153; Черемисинов Г.А. Формирование мобилизационной модели и макроэкономическая динамика СССР в годы первой пятилетки и Великой Отечественной войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. № 4 (34). С. 19–35.

⁵ О «левых» коммунистах после 1927 г. см.: Гусев А.В. Левокоммунистическая оппозиция в СССР в конце 20-х годов // Отечественная история. 1996. № 1. С. 85–103; Шабалин В.В. Левая оппозиция в Уральской области, 1927–1930 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Пермский государственный университет, 2000.

⁶ Шарабаров П.Н. «Правый уклон» в ВКП(б) в историографии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2007. № 2 (17). С. 119–124.

⁷ Юрганов А.Л. Рождение и трансформация «генеральной линии» ЦК ВКП(б) в политической борьбе второй половины 1920-х – начала 1930-х гг. // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языковедение. Культурология. 2021. № 7. С. 83–113.

⁸ Гончарова И.В. Современные концептуальные подходы в историографии коллективизации // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1. С. 21–28.

диссертации, написанной на основе материалов Центрально-Черноземной области, коллективизация показана как «сложная государственная акция», которая при этом была «не продумана и не подготовлена»⁹. Этот же автор описала «коллективизаторский порыв снизу», предпринятый местными партработниками осенью 1929 – зимой 1930 г., когда демонстрировались невероятные темпы коллективизации¹⁰. И только указания ЦК партии в связи с письмом Сталина от 5 марта 1930 г. внесли некоторую ясность в этот вопрос. Историки М.А. Безнин и Т.М. Димони расценивают данные аграрные преобразования как революцию, итогом которой стало фактическое уничтожение крестьянства как социального класса¹¹. Ряд работ посвящен различным аспектам аграрной политики партии. Так, авторский коллектив исследователей из Сибири, анализируя процесс ликвидации кулачества, пришел к выводу, что налогообложение в 1929–1930 гг. использовалось как средство раскулачивания крестьян¹². По мнению Е.А. Кирьяновой, политика ликвидации кулачества как класса началась в начале 1930 г., еще до ее официального объявления¹³. Как обоснованно показала Ш. Фицпатрик, именно государственная власть была инициатором коллективизации, и новые коллективные хозяйства организовывались людьми пришлыми, специально командированными для этой цели в деревню. Они «чаще всего ничего не знали ни о деревне, ни о сельском хозяйстве»¹⁴.

В условиях радикальной перестройки народного хозяйства возникла необходимость в изменении административно-территориального устройства, так как оно имело (и продолжает сохранять) определяющее значение для создания эффективной системы управления и функционирования органов власти на местном уровне. Первоначально, в рамках нэпа, предполагалось создание

⁹ Гончарова И.В. Крестьянство Центрально-Черноземной области в условиях подготовки и проведения коллективизации в 1928–1932 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2015. С. 301.

¹⁰ Гончарова И.В. Крестьянство Центрально-Черноземной области в условиях подготовки и проведения коллективизации в 1928–1932 гг. С. 330.

¹¹ Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России в 1930–1980-х годов. Москва: ЛЕНАНД, 2014. С. 606–607.

¹² Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 1: Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930–1940 гг. Хроникально-документальный сборник / под редакцией В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск: Издательство ИДМИ, 2000. С. 10–11.

¹³ Кирьянова Е.А. Раскулачивание крестьянства центра России в начале 1930-х годов // Вопросы истории. 2006. № 5. С. 146–152.

¹⁴ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история советской России в 30-е годы: деревня / перевод с английского Л.Ю. Пантиной. Москва: РОССПЭН, 2001. С. 63.

оптимальной структуры управления хозяйством, опирающейся на систему городов, территориально-производственных комплексов, экономических районов, объединенных энергопроизводственными циклами¹⁵.

Однако в связи с началом сталинских преобразований возникла необходимость внесения изменений в эту систему. Анализу создания новых административно-территориальных образований в 1920–1930-х гг. посвящены исследования Т.В. Соловьевой, О.В. Шульгиной¹⁶, А.И. Сысоева¹⁷, С.И. Евдокимова¹⁸, Е.А. Ширяева¹⁹.

Наш интерес к истории создания и функционирования одного из округов Нижегородского края обусловлен тем, что данная тема недостаточно изучена в современной историографии. Между тем, имеется как богатый архивный материал, так и работы, посвященные округам других мега-областей России. Анализу партийной организации округов Центрально-Черноземной области посвящены работы И.Д. Петришиной²⁰ и А.Ю. Сарана, Северной области – А.П. Воробья²¹. Так, в частности, А.Ю. Саран пришел к выводу, что

окружная власть носила промежуточный характер между областным и районным уровнями. Она сохранялась во многом благодаря своему

¹⁵ Соловьева Т.В. Административно-территориальная реформа 1923 г. на Урале: опыт экономического районирования // Документ. Архив. История. Современность: сборник научных трудов / под редакцией А.В. Черноухова и др. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2005. Вып. 5. С. 22.

¹⁶ Шульгина О.В. Административно-территориальное деление в XX в.: историко-географический аспект: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Московский городской педагогический университет, 2005.

¹⁷ Сысов А.И. Административно-территориальные реформы 1920–1930-х гг. на Урале: основные этапы и определяющие факторы // Архив в социуме – социум в архиве: материалы второй региональной научно-практической конференции / под редакцией Н.А. Антипина. Челябинск: Объединенный государственный архив Челябинской области, 2019. С. 62–65.

¹⁸ Евдокимов С.И. Оценка административно-территориальных реформ как способа повышения экономической эффективности территорий // Псковский регионологический журнал. 2012. № 13. С. 176–179.

¹⁹ Ширяев Е.А. Реформирование административно-территориального устройства РСФСР в 1930-е годы // Государственное управление. Электронный вестник. 2011. № 26. С. 1–12.

²⁰ Петришина И.Д. Генеральная чистка сельских коммунистов в Борисоглебском округе Центрально-Черноземной области (1929 год) // Новый исторический вестник. 2022. № 71 (1). С. 41–57.

²¹ Воробей А.П. Влияние структурной перестройки органов ВКП(б) на ход и результаты коллективизации в Северном крае, в 1929–1930 годы: дис. ... канд. ист. наук. Поморский государственный университет, 1999.

рудиментному характеру, как остаток губернского устройства системы управления страной²².

В местной историографии по истории функционирования округов можно назвать брошюру «30 славных боевых лет», вышедшую в 1933 г., и «Очерки» по истории областной организации КПСС²³. В них рассматривались правый и левый уклоны в рядах парторганизации, борьба с ними окружкома, руководство процессом коллективизации, преодоление «искривления партийной линии»²⁴. Упомянем также обзорную статью Т.Е. Ложкиной об истории изменения административно-территориального деления Вятского края²⁵. К настоящему времени окружные партийные организации региона остаются неисследованными, хотя отдельным аспектам их истории посвящено несколько статей²⁶.

Применение институционального подхода позволяет автору исследовать деятельность института окружной организации ВКП(б) в конкретных исторических условиях, а не в качестве идеальной модели.

Образование округа

Административно-территориальную реформу 1920–1930-х гг. следует рассматривать в рамках общей концепции модернизации страны, когда в развитии административно-территориального деления «волны укрупнения и разукрупнения разделялись длительными фазами стабилизации»²⁷. Общая логика создания мега-областей в принципе ясна – повысить управляемость территории за счет назначения на руководящие должности в них преданных преобразователю сторонников с самыми широкими полномочиями. Что

²² Саран А.Ю. Ликвидация округов в 1930 г. и кризис мега-областей (на примере Центрально-Черноземной области) // Управленческое консультирование. 2016. № 10. С. 214.

²³ 30 славных боевых лет. 1903–1933. Вятка: Вятский горрайком, 1933. С. 64–65.

²⁴ Очерки истории Кировской организации КПСС. Ч. 2: 1918–1968 / составители Е.С. Садырина, А.С. Быстрова, В.Ф. Суходоев и др. Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1969. С. 179–197.

²⁵ Ложкина Т.Е. Административно-территориальное устройство Вятского края в XVIII–XXI вв. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 2 (5). С. 174–180.

²⁶ Шарабаров П.Н. «Правый уклон» в социально-политической жизни Вятского региона в 1928–1933 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Удмуртский государственный университет, 2010; Чемоданов И.В. Сельское хозяйство Вятского региона в первые годы массовой коллективизации (1929–1934 гг.) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2016. № 6. С. 55–69.

²⁷ Евдокимов С.И. Оценка административно-территориальных реформ как способа повышения экономической эффективности территорий. С. 177.

касается образования округов, то их появление носило компромиссный характер. Как отметила О.В. Шульгина,

в формировании сетки окружного деления проявился принцип рационального управления территориями, стремление к достаточно равномерной хозяйственной освоенности и одновременно к выделению опорных центров хозяйственного развития и обслуживания населения²⁸.

С этой точки зрения, округа позволяли сочетать «задачи политического управления территорией с задачами ее экономического развития и объективного экономико-географического районирования»²⁹. В то же время А.Ю. Саран совершенно справедливо указал на то, что окружная власть носила «промежуточный характер», продолжала функционировать «во многом благодаря своему рудиментарному характеру...»³⁰ Сохранение части прежнего губернского звена, вписанного в новую областную систему, должно было, с одной стороны, привлечь к радикальным преобразованиям лояльные местные кадры, а с другой – поставить их под надлежащий контроль. По мере укрепления управленческого аппарата областей «крепло их желание прямо выходить на руководство районами, без передаточного окружного звена»³¹. Таким образом, компромисс административно-территориальной реформы был обусловлен как противоречивостью политики нэпа, так и политическими планами правящей партии.

Решение об образовании Нижегородской области было принято на заседаниях Президиума ВЦИК 14 января и 4 февраля 1929 г. На заседании Временного бюро ЦК ВКП(б) в Нижегородской области 25 апреля 1929 г. был утвержден состав временных партийных и советских комитетов Вятского округа: партийное оргбюро возглавил Эдуард Прамнэк, советский оргкомитет – Иван Колпаков. В августе 1929 г. на территории бывшей Вятской губернии было образовано три округа – Вятский, Котельничский, Нолинский, причем первый из них состоял из следующих районов: Белохолуницкий, Верхошижемский, Вожгальский, Вятский, Зуевский, Зюздинский, Кайский, Мурашинский, Омутнинский, Оричевский, Просницкий, Синегорский, Слободской, Фаленский, Халтуринский.

Округа строились по принципу

²⁸ Шульгина О.В. Административно-территориальное деление в XX в. С. 25.

²⁹ Шульгина О.В. Административно-территориальное деление в XX в. С. 25.

³⁰ Саран А.Ю. Ликвидация округов в 1930 г. и кризис мега-областей (на примере Центрально-Черноземной области). С. 214.

³¹ Саран А.Ю. Ликвидация округов в 1930 г. и кризис мега-областей (на примере Центрально-Черноземной области). С. 214.

однородности экономики, наличия экономических связей, позволяющих руководить хозяйственной жизнью округа на основе тяготения вокруг сложившихся и складывающихся экономических и культурных центров³².

Вятский округ являлся аграрным регионом, его промышленность была развита слабо и представлена лишь предприятиями кожевенной, химической, лесной отраслей и железнодорожным транспортом, на которых было занято около 20 тыс. человек.

15 июля 1929 г. открылась I Вятская окружная партконференция, которая поставила много «очередных задач». Первая из них – «завершение районирования». Местные коммунисты отчитались о том, что

оформили районные партийные и советские органы, подобрали руководящих работников районов – секретарей райкомов и председателей райисполкомов, подобрали самых лучших коммунистов³³.

Однако руководство процессом районирования со стороны партийных и советских органов оставляло желать лучшего. Так, окружной оргкомитет по советскому строительству подготовил и разослал инструкцию об организации районов округа. О том, насколько она была понятна в районах, свидетельствует письмо руководителя советского оргкомитета Зуевки Плоскера председателю окружного оргкомитета Ивану Колпакову:

В инструкции об организации района указано, что на организационную комиссию возлагается работа по подготовке бюджета будущего района. Мы, конечно, ничего не делаем. Никаких указаний не было. Не знаю даже, с чего начать <...> [С помещениями] здесь ужасное положение. Не только самому, но и значительную часть учреждений и организаций не знаю куда деть. [Имеется] несколько полуразрушенных зданий, на восстановление которых нужны деньги и еще раз деньги... Какие и были дома, они сданы в аренду, то на пивные лавки, то в госспирт³⁴.

Отметим, что только 3 из 15 районов создавались на основе прежних уездов, поэтому в большинстве из них, подобно Зуевке, не было даже необходимой материальной инфраструктуры.

³² Нижегородская область. Краткая характеристика / под редакцией В.М. Воронова. Нижний Новгород: Нижполиграф, 1929. С. 3–4.

³³ Нижегородская область. Краткая характеристика. С. 45.

³⁴ Письмо руководителя Зуевского района Плоскера 17 июня 1929 г. // Центральный государственный архив Кировской области (далее – ЦГАКО). Ф. Р-877. Оп. 1. Д. 260. Л. 55 об.–56.

II объединенный пленум Вятского окружкома и контрольной комиссии ВКП(б), проходивший 19–21 августа 1929 г., подвел предварительные итоги «организационного периода районирования». Районирование, по словам Прамнэка, прошло «в здоровой и нормальной обстановке»³⁵. Отмечалось, что в некоторых районных парторганизациях работа по районированию была проведена неплохо³⁶. Вместе с тем, как свидетельствуют материалы районных партийных конференций, в ряде мест процесс районирования шел с большими трудностями. Так, представитель окружкома партии Лазарь Пугачевский, выступая на I партийной конференции Белохолуницкого района, отмечал: «...на местах не в состоянии комплектовать аппарат»³⁷, с чем согласился секретарь райкома Алексей Шуплецов³⁸. А, например, на I Фаленской районной партконференции, по словам представителя окружкома партии А.Г. Мелицева, в прениях по районированию собственно районирование «забыли» обсудить³⁹! О «недостаточно проведенной разъяснительной работе среди населения по районированию» говорилось в прениях на I районной Вожгальской партконференции⁴⁰, на общем собрании городской парторганизации в Слободском 28 июня 1929 г.⁴¹, на партийной конференции в Халтурине 30 июня 1929 г.⁴²

Штаты

24 августа 1929 г. на заседании Нижегородского крайкома партии были утверждены штаты и ставки работников окружкомов, штаты работников сельских и районных комитетов⁴³. Штат Вятского окружкома, отнесенного к первой группе⁴⁴, включал в себя секретаря и управделами, орготдел, агитпроп,

³⁵ Протокол заседания II объединенного пленума Вятского окружкома и окружной контрольной комиссии 19–21 августа 1929 г. // ЦГАКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 13. Л. 11 об.

³⁶ Письмо председателя Просницкого райкома Бирюковой // ЦГАКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 65. Л. 9.

³⁷ Протокол I Белохолуницкой районной партийной конференции 3 июля 1929 г. // ЦГАКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 65. Л. 66.

³⁸ Там же. Л. 69.

³⁹ Там же. Л. 78.

⁴⁰ Протокол I Вожгальской районной партийной конференции 30 июня 1929 г. // ЦГАКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 65. Л. 52.

⁴¹ Протокол общего собрания городской организации ВКП(б) г. Слободского 28 июня 1929 г. // ЦГАКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 65. Л. 27.

⁴² Письмо председателя Просницкого райкома Бирюковой // ЦГАКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 65. Л. 11.

⁴³ Выписка из протокола № 2 заседания секретариата Нижегородского крайкома ВКП(б) 24 августа 1929 г. // ЦГАКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 36. Л. 51.

⁴⁴ Окружкомы ВКП(б) первой группы создавались в крупных городах на основе бывших губкомов, имевших разветвленную структуру.

отдел по работе в деревне, отдел по работе среди работниц и крестьянок. Всего комитет насчитывал 19 ответственных работников и 9 человек технического персонала⁴⁵, что во многом соответствовало штату прежнего губкома партии⁴⁶. Из 15 сельских райкомов 11 были отнесены к 4-й группе, в которой кроме секретаря полагалось иметь заведующего орготделом и делопроизводителя. В райкомах 5-й группы – Верхошижемском и Кайском – по штату полагался только один секретарь⁴⁷. Очевидно, что такие малочисленные штаты, когда комитет состоял из одного-двух ответственных работников, создавали объективные условия для нарушения хода преобразований, получивших в партийной литературе тех лет наименование «прорывов»⁴⁸. Надо сказать, что в партийных организациях это понимали. Еще на I Вятской окружной партконференции секретарь Фаленского райкома партии А.И. Ложеницын заявил:

...мне думается, что областные и окружные власти в части штатов райкомов что-то не учли, ибо при наличии одного секретаря райкома с работой справиться чрезвычайно трудно, и, безусловно, будут большие проблемы⁴⁹.

Характеристика кадрового состава

Кадровый состав окружных и районных советских органов не отвечал поставленным задачам. Так, образовательный уровень членов окружкома и райкомов был крайне низок. Из 11 членов окружкома, избранного на I окружной партконференции, 9 имели низшее образование⁵⁰. Из 38 членов пленума окружкома начальные азы грамотности получили 33⁵¹. Едва умели читать и писать все члены окружной контрольной комиссии⁵², абсолютное большинство секретарей райкомов, даже заведующий окружного агитпропа А.Г. Мелицев и его заместитель⁵³. Низшее образование было почти у 70 %

⁴⁵ Смета окружкома ВКП(б) // ЦГАКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 36. Л. 110.

⁴⁶ Ведомость на выдачу заработной платы Вятского губкома ВКП(б) за июнь 1929 г. // ЦГАКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 38. Л. 14–17 об.

⁴⁷ Смета окружкома ВКП(б) // ЦГАКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 36. Л. 116, 117, 118.

⁴⁸ XVII съезд ВКП(б). 26 января – 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. Москва: Партиздат, 1934. С. 33.

⁴⁹ Протокол I Вятской окружной партийной конференции 15–17 июля 1929 г. // ЦГАКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 55.

⁵⁰ Списки членов и кандидатов окружкома ВКП(б) // ЦГАКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 30. Л. 6 об.–7.

⁵¹ Там же. Л. 7–7 об.

⁵² Там же. Л. 8–8 об.

⁵³ Там же. Л. 6 об.

ответственных партийных работников районного звена⁵⁴, что примерно соответствовало уровню образования ответственных советских и судебно-прокурорских работников. 14 из 15 председателей райисполкомов, все руководство окружного отдела ОГПУ во главе с Иосифом Тарашкевичем имели только низшее образование⁵⁵. Поэтому вполне понятно, что, по замечанию члена окружной контрольной комиссии Ивана Деришева, на местах еще не везде достаточно верно отличали правый и левый уклоны⁵⁶.

Партийцы должны были занимать идеологически правильную позицию, определенную руководством партии, и соответствующим образом проводить ее на практике. Однако часто возникали ситуации, подобные описанной в отчете окружкома о работе районных конференций (апрель 1930 г.): «Выступлений на конференциях с правыми и левыми настроениями не замечалось. В практической же работе отдельных членов партии и даже ячеек проявления правого уклона имели место». Так, Подрельская ячейка Халтуринского района «игнорировала работу с батрачеством, беднотой, осуществляла зажим самокритики». К «правому уклону» могли быть отнесены и такие факты, как отказ коммуниста вступить в колхоз, отказ от обобществления имущества в коммуне⁵⁷. Примечательно, что и «левые загибы проявлялись почти во всех районах...» Они выражались в «администрировании, запугивании, арестах отдельных бедняков и середняков...»⁵⁸ Иначе говоря, ответственные партработники должны были в своей практической деятельности постоянно соотносить свои действия с установками партии, правильно их понимать и применять на практике. Партийцам с низшим образованием выполнить это было чрезвычайно трудно. Как будет показано ниже, 6 из 15 секретарей районных парторганизаций не справились с этой задачей, хотя были названы лучшими⁵⁹.

Состояние районных и местных парторганизаций

Одной из форм организационно-партийной работы окружкома было обследование состояния районных парторганизаций, производственных,

⁵⁴ Списки ответственных работников окружных и районных партийных организаций, август 1929–май 1930 г. // ЦГАКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–8 об.

⁵⁵ Там же. Л. 102 об.–105.

⁵⁶ Протокол расширенного объединенного заседания бюро Вятского окружкома и президиума окружной контрольной комиссии 9 ноября 1929 г. // ЦГАКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 18. Л. 170.

⁵⁷ Сводка об итогах работы районных партийных собраний и конференций ВКП(б) Вятского округа // ЦГАКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 44. Л. 83.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Протокол I Вятской окружной партийной конференции 15–17 июля 1929 г. // ЦГАКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 45.

сельских и иных ячеек. Надо сказать, что сотрудники окружкома относились к проверке весьма основательно: обследование проводилось по всем пунктам от социально-экономической характеристики района, предприятия и учреждения до политического настроения населения и деятельности самой парторганизации. В июле 1929 г. была проведена проверка работы Мурашинской районной парторганизации. В выводах комиссии, обследовавшей организацию, подчеркивалось, что недостатки, которые имелись в работе волостного комитета партии до создания района, не изжиты. По сути, преобразование волостного комитета в райком мало что изменило. Директивы губкома и окружкома «о росте партии до ячеек не дошли», работа с активом «не ведется», вопрос о привлечении новых членов на заседании райкома «не обсуждался», партийное просвещение в деревенских ячейках «поставлено чрезвычайно слабо», две трети крестьян-коммунистов в колхозы не вступили, в деревнях ячейки в большинстве состоят из карьеристов⁶⁰.

Проверка работы Кайской районной парторганизации осенью 1929 г. также выявила очевидные «прорывы» – партячейка «не перестроила свою работу в соответствии с задачами реконструкционного периода». В работе райкома «отсутствовали четкие классовые установки и анализ классовой борьбы»⁶¹. По результатам обследования деятельности II городского райкома Вятки, проведенного в конце 1929 – начале 1930 г., деятельность производственных ячеек на предприятиях района была признана неудовлетворительной⁶².

Таким образом, качество работы партийных организаций находилось на весьма низком уровне, что ставило под вопрос реализацию политики по социалистическому переустройству округа. Примерно такой же уровень партийной работы был, например, в Сухиничском округе Западной области⁶³.

Направления работы окружной парторганизации

Планы работы окружкома отражали задачи курса на реконструкцию народного хозяйства, решение которых зависело, прежде всего, от деятельности партийного «двигателя». Однако вопросам внутрипартийной жизни окружком уделял явно недостаточное внимание. В плане работы на август 1929 – январь

⁶⁰ Материалы по изучению Мурашинской районной партийной организации // ЦГАКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 44. Л. 38 об.–39.

⁶¹ Резолюция бюро окружкома ВКП(б) о состоянии и работе Кайской районной партийной организации // ЦГАКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 40. Л. 125.

⁶² Резолюция бюро окружкома ВКП(б) о работе II районной партийной организации Вятки // ЦГАКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 40. Л. 75.

⁶³ *Иевлева О.И.* Практика коллективизации и раскулачивания в Сухиничском округе Западной области РСФСР (1929–1930 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Брянский государственный педагогический университет им. И.Г. Петровского, 2018. С. 138.

1930 г. из 65 вопросов только 20 касались внутрипартийной работы⁶⁴, в плане на январь–май 1930 г. из 45 – только 9. Остальные были посвящены руководству различными отраслями народного хозяйства, деятельности Советов, комсомола, профсоюзов⁶⁵.

Одним из главных направлений деятельности как партийных, так и советских органов округа стала коллективизация сельского хозяйства. Выполняя решения ноябрьского 1929 г. Пленума ЦК партии и постановление Нижегородского крайкома от 13 декабря «О темпах коллективизации края», Вятский окружком постановил весной 1930 г. закончить сплошную коллективизацию в трех районах: Фаленском, Вожгальском и Зуевском. На чем было основано такое решение, нам выяснить не удалось. В начале марта 1930 г., когда вышла статья И.В. Сталина «Головокружение от успехов»⁶⁶, окружком партии пытался оправдаться, свалив вину на райкомы. В резолюции окружкома отмечалось, что в конце 1929 г. в работе Фаленской районной парторганизации

вопросы социалистической реконструкции и подъема сельского хозяйства не были поставлены в центре внимания... Партийные и советские организации совершенно не имели продуманного и твердого плана развития сельского хозяйства... Поэтому рост колхозов шел стихийно...⁶⁷

Между тем, еще в декабре 1929 г. на III Пленуме Вятского окружкома партии справедливо констатировалось, что «члены партии на коллективизацию смотрят косо... Члены партии, связанные с деревней, неохотно идут в колхозы»⁶⁸. Но должной реакции окружкома не последовало.

Кампания по взиманию недоимок, проведенная в феврале 1930 г., в некоторых районах сопровождалась явно преступными действиями со стороны ряда ответственных партийных и советских работников⁶⁹. Представитель ОГПУ Гасников, проверив 17 февраля положение в Омутнинском районе, докладывал своему руководителю: в райкоме партии кампания понята как

⁶⁴ План работы бюро окружкома на август 1929 – январь 1930 г. // ЦГАКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 16. Л. 2–7.

⁶⁵ План работы бюро окружкома на январь–май 1930 г. // ЦГАКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 132. Л. 2–3.

⁶⁶ *Сталин И.В.* Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения // Правда. № 60 (2 марта). 1930. С. 1.

⁶⁷ Резолюция о работе Фаленской районной организации // ЦГАКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 18. Л. 262.

⁶⁸ Протокол III пленума окружкома 3–6 декабря 1929 г. // ЦГАКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 15. Л. 28 об.

⁶⁹ Докладная записка уполномоченного ОГПУ Гасникова заведующему Вятским отделом ОГПУ 18 февраля 1930 г. // ЦГАКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 145. Л. 164.

раскулачивание⁷⁰. В Зюздинском районе, когда выяснилось, что недоимщиков не оказалось, под руководством секретаря райкома партии Павла Чадаева был составлен «совершенно произвольно» список на 1 тыс. хозяйств. Из этого списка 360 хозяйств были подвергнуты раскулачиванию⁷¹. Такие «перегибы» были зафиксированы также в Вятском и Зуевском районах⁷². Секретарь Медянской партячейки Вятского района Петр Семаков, инструктируя бригады по сбору недоимок, дал установку на «полное раскулачивание всех кулаков... Бригады творили недопустимые безобразия»⁷³.

Бюро окружкома предложило райкомам «немедленно организовать работу по пересмотру всей проведенной операции и исправить все допущенные искажения», предупредив, что в противном случае секретари райкомов будут «сниматься с работы и предаваться партийной и судебной ответственности»⁷⁴. Окружком направил в райкомы ответственных работников для проверки действительного положения дел. В итоге под суд было отдано 22 чел., из которых 13 были коммунистами, 2 – комсомольцами⁷⁵. Окружком, ознакомившись с положением в районах, 24 февраля 1930 г. был вынужден «предупредить райкомы от чрезмерного увлечения коммунарами»⁷⁶. «Перегибам» в колхозном движении была посвящена передовая статья «Вятской правды»⁷⁷. В связи с массовым выходом крестьян из колхозов, последовавшим после вышеупомянутой статьи Сталина, пленум окружкома 8 марта потребовал срочно обеспечить перевод коммун на устав сельхозартелей.

14 марта 1930 г. на бюро окружкома был заслушан доклад о положении дел в Зуевском и Фаленском районах. Уполномоченный ОГПУ по Зуевскому району Кривошеин 12 марта 1930 г. докладывал своему руководству: «Политическое состояние Зуевского района... становится чрезвычайно напряженным»⁷⁸.

⁷⁰ Докладная записка уполномоченного ОГПУ Гасникова заведующему Вятским отделом ОГПУ 18 февраля 1930 г. // ЦГАКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 145. Л. 164.

⁷¹ Заключение следственного отдела Вятского окружного отдела ОГПУ 11 апреля 1930 г. // ЦГАКО. Ф. Р-877. Оп. 2. Д. 16. Л. 421–422.

⁷² Внеочередной донос о проведении кампании по изъятию ценностей у недоимщиков по Вятскому округу. 15 февраля 1930 г. // ЦГАКО. Ф. Р-877. Оп. 2. Д. 10. Л. 135–136.

⁷³ Спецсводка ОГПУ по Вятскому округу 20 февраля 1930 г. // ЦГАКО. Ф. Р-877. Оп. 2. Д. 10. Л. 156.

⁷⁴ Докладная записка о мероприятиях окружкома по борьбе с искривлениями в колхозном движении 18 марта 1930 г. // ЦГАКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 145. Л. 17.

⁷⁵ Там же. Л. 17 об.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Огонь по извращениям партийной линии // Вятская правда. № 42 (20 февраля). 1930. С. 1.

⁷⁸ Докладная записка уполномоченного Вятского окружного отдела ОГПУ по Зуевскому району Кривошеина 12 марта 1930 г. // ЦГАКО. Ф. Р-877. Оп. 2. Д. 16. Л. 146.

Окружком был вынужден принять организационные меры. Постановлением окружкома партии от 22 марта 1930 г. Зуевский райком был распущен. Комиссия, прибывшая на место для расследования, выявила «целый ряд искажений и перегибов, многочисленные факты администрирования». Среди типичных приемов деятельности райкома партии указывались угрозы, шантаж и обман⁷⁹.

О многочисленных случаях искажения партийной линии в колхозном строительстве стало известно в крайкоме партии. Поэтому 18 марта 1930 г. Вятский окружком был вынужден направить в Нижний Новгород на имя А.А. Жданова строго секретную докладную записку с отчетом о выявленных нарушениях. В ней констатировалось:

В проведении коллективизации в большинстве районов округа местными организациями и приезжими бригадами были допущены грубые искажения и перегибы политики партии. Имеется много случаев принудительного вовлечения крестьян в колхозы путем запугивания их раскулачиванием, лишением избирательных прав, выселением на болота. Обобществление имущества вновь вступивших в коммуны крестьян проводилось без всякой подготовки, в принудительном порядке, особенно по Зуевскому и Фаленскому районам...⁸⁰

В сводке окружкома по итогам районных конференций подчеркивалось, что

левые загибы проявлялись почти во всех районах в части администрирования, запугивания и арестов отдельных бедняков и середняков и имелось значительное количество случаев раскулачивания середняков⁸¹.

Аналогичная картина наблюдалась в районах Нолинского округа Нижегородского края⁸², других регионах страны⁸³.

⁷⁹ Циркуляр Вятского окружкома ВКП(б) 28 марта 1930 г. «Всем райкомам» // ЦГАКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 144. Л. 38.

⁸⁰ Докладная записка Вятского окружного отдела ОГПУ о перегибах, извращениях и злоупотреблениях при проведении взимания недоимок // ЦГАКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 145. Л. 83–84.

⁸¹ Сводка об итогах работы районных партийных собраний и конференций ВКП(б) Вятского округа // ЦГАКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 44. Л. 83.

⁸² Информационная сводка об итогах перевыборов сельских и районных партийных органов по Нолинскому округу // ЦГАКО. Ф. П-201. Оп. 1. Д. 19. Л. 10.

⁸³ Закрытое письмо ЦК ВКП(б) «О задачах колхозного движения в связи с борьбой с искривлениями партийной линии» // ЦГАКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 127. Л. 179.

Несмотря на принятые в марте меры, положение в Зуевском районе летом 1930 г. было «совершенно неудовлетворительное... Наблюдается падение дисциплины, пьянство среди отдельных групп партийцев»⁸⁴. Секретарь райкома Назаров и председатель райисполкома Николай Небогатиков «не сумели установить правильных отношений с активом, допустили... грубость и нетактичность»⁸⁵. Участники объединенного заседания бюро окружкома и президиума окружной контрольной комиссии 9 июля рассмотрели «рецидивы левых ошибок» в Зуевке и приняли ряд радикальных мер, в том числе и организационных. В то же время было констатировано наличие подобных рецидивов «в ряде других районов». «Особенно отличились» в этом отношении Зюздинская, Белохолуницкая и Мурашинская организации, «перегибы были и в Вятском районе»⁸⁶.

В связи с «искривлением партийной линии» в Зюздинской, Вожгальской, Фаленской, Белохолуницкой и Мурашинской парторганизациях окружком был вынужден принять организационные меры⁸⁷. Снятие партийного и советского руководства в 6 районах из 15 свидетельствует о крупных «прорывах» в партийной работе. Все 6 райкомов возникли на основе прежних волостных партийных организаций, которые, несмотря на то, что они возглавлялись присланными ответственными партработниками, не смогли перестроить свою работу в соответствии с новыми требованиями и правильно выполнять возложенные на них обязанности.

Мы проанализировали многочисленные нарушения в работе окружной партийной организации. В партийной литературе 1930-х гг. они получили название «прорывов», а лиц, допустивших невыполнение плана, называли «прорывочниками»⁸⁸. Значение слова «прорыв» определяется следующим образом: «... нарушение хода работы, ведущее к срыву выполнения задания, плана эвакуации»⁸⁹. Данное понятие предполагает, что и население, и ответственные работники имели перед собой некий проект, план преобразований. Однако исследование образа коммунизма, сформировавшегося

⁸⁴ Резолюция объединенного заседания бюро окружкома и президиума окружной контрольной комиссии от 9 июля 1930 г. о рецидиве «левых» ошибок в Зуевке // ЦГАКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 132. Л. 10.

⁸⁵ Там же. Л. 10 об.

⁸⁶ 30 славных боевых лет. 1903–1933. С. 65. Составители очерка являлись активными участниками современной им партийно-политической жизни в Вятском округе.

⁸⁷ 30 славных боевых лет. 1903–1933. С. 65.

⁸⁸ Словарь русских народных говоров. Вып. 32. Присуха–Потишь / составители Н.А. Романова, И.А. Попов, Н.И. Андреева-Васина. Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 1998. С. 221.

⁸⁹ Мокленко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. Санкт-Петербург: Фолио-Пресс, 1998. С. 489.

у представителей власти и у населения, свидетельствует о том, что в конце 1920-х гг. существовало весьма смутное представление о способах воплощения коммунизма на практике⁹⁰. В традиционном сознании как населения, так и партийных работников понятие «прорыв» связывалось с представлением о попытках врагов разрушить создаваемый коммунистический «бастион».

Округа были ликвидированы в июле 1930 г. В постановлении Нижегородского краевого комитета ВКП(б) 18 июля 1930 г. отмечалось, что райкомы края переходят в непосредственное подчинение крайкома партии. Крайком потребовал не допускать укрупнения районов и изменения их границ. Свыше 90 % окружных партработников были направлены на руководящую работу в райкомы⁹¹.

Заключение

Проведенный анализ возникновения и развития окружной парторганизации позволяет сделать ряд выводов. Политика проведения районирования и создания округов носила во многом компромиссный характер, отражая противоречия нэпа. Вятский окружной комитет партии пытался решать возложенные на него задачи, осуществляя руководство как внутрипартийной, так и советской работой. Однако обеспечить эффективное функционирование районных организаций ему оказалось не под силу. Кадровое обеспечение, организационно-техническое состояние, образовательный уровень работников районных парторганизаций, а также, в значительной мере, их политико-идеологический облик не соответствовали поставленным перед ними задачам, о чем свидетельствовали многочисленные «прорывы» в партийной и советской работе. Решение о ликвидации округов, на наш взгляд, было вполне закономерным: окружные органы власти и управления оказались лишним звеном в условиях форсированной индустриализации и коллективизации, а партийные организации далеко не везде смогли стать во главе радикальных преобразований. Высвободившиеся при ликвидации округов партийные и советские кадры были использованы для укрепления районного звена.

⁹⁰ Фокин А.А. «Коммунизм не за горами». Образы будущего у власти и у населения СССР на рубеже 1950–1960-х гг. Москва: РОССПЭН, 2017. С. 17.

⁹¹ Верной дорогой. Хроника истории Кировской организации КПСС. 1883–1983 / под редакцией Е.И. Кирюхиной и др. Киров: Волго-Вятское книжное издательство, 1983. С. 168.

Introduction

In present-day Russia, there is a growing interest in the problems of administrative territorial structure, which was inherited from the USSR and does not fully meet both the current tasks and the federal nature of the state. Hence, it is quite natural to be interested in the historical experience of reforms, in particular, in the transformations made in the 1920s and 1930s. We consider the topic in the context of the radical socio-economic and political transformations carried out in the late 1920s and early 1930s and during the period of the first five-year plans. In contemporary Russian historiography, they are analyzed through the prism of the following concepts: modernization,¹ revolution from above,² militarized economy,³ and mobilization economy.⁴ The implementation of the new course was complicated by the internal political struggle that unfolded between the “general line” of the party personified by J. Stalin, on the one hand, and N. Bukharin and his supporters, who advocated the development of the New Economic Policy (NEP) principles, on the other. The party members who deviated from the general line to the left were called leftists,⁵ and to the right, rightists.⁶ The process of forming the concept of the general line, which expressed the formation of like-mindedness in the party, was studied by A. Yurganov.⁷

¹ I.A. Anfert'ev, “RKP(b)–VKP(b) and the Modernization of the RSFSR/USSR in the 1920s–1930s: Transformation Programs and Struggle for Power” [in Russian] (Doctoral diss., Russian State University for the Humanities, 2019).

² I.E. Zelenin, *Stalin's "Revolution from Above" after the "Great Turn." 1930–1939: Policy, Implementation, Results* [in Russian] (Moscow: Nauka, 2006); O.V. Khlevnyuk, *The Master. Stalin and the Establishment of Stalin's Dictatorship* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 2010).

³ M. Malia, *The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991* [in Russian], trans. A.V. Yurasovskii, and A.V. Yurasovskaya (Moscow: ROSSPEN, 2002).

⁴ I.S. Kharchenko, L.I. Kharchenko, V.E. Ivanov, and D.E. Ivanova, “Mobilization Economy: History and Modernity” [in Russian], *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*, no. 3 (2021): 146–53; G.A. Cheremisinov, “Formation of Mobilization Model and Macroeconomic Dynamics of the USSR during the First Five-Year Period and the Great Patriotic War” [in Russian], *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 4 (34) (2015): 19–35.

⁵ About the “left” communists after 1927, see A.V. Gusev, “Left Communist Opposition in the USSR in the Late 1920s” [in Russian], *Otechestvennaya istoriya*, no. 1 (1996): 85–103; V.V. Shabalin, “The Left Opposition in Ural Oblast, 1927–1930” [in Russian] (PhD diss., Perm State University, 2000).

⁶ P.N. Sharabarov, “‘Right-Wing Deviation’ in the VKP(b) in Historiography” [in Russian], *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, no. 2 (17) (2007): 119–24.

⁷ A.L. Yurganov, “The Birth and Transformation of the ‘General Line’ of the Central Committee of the VKP(b) in the Political Struggle in the Second Half of the 1920s – Early 1930s” [in Russian], *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*, no. 7 (2021): 83–113.

For Vyatka Governorate, which was peasant in social composition, agrarian transformations aimed at creating a system of collective and state farms were of paramount importance in those years. The current state of historiography on collectivization is considered in the study of I. Goncharova.⁸ In the dissertation, written on the basis of the materials from the Central Black Earth Oblast, collectivization is shown as a “complex state action” that was “neither thought out nor prepared.”⁹ The same author also described the “collectivization rush from below” undertaken by the local party workers in the autumn of 1929 – winter of 1930, when the incredible pace of collectivization was demonstrated.¹⁰ Only the instructions of the Central Committee of the party in connection with Stalin’s letter as of March 5, 1930, brought some clarity to this issue. Historians M. Beznin and T. Dimoni regard these agrarian transformations as a revolution, the result of which was the actual destruction of the peasantry as a social class.¹¹ A number of works are devoted to various aspects of the party’s agrarian policy. For instance, analyzing elimination of the kulak class, the team authors of from Siberia came to the conclusion that taxation was used as a means of dekulakization in 1929–30.¹² According to E. Kir'yanova, the policy of eliminating the kulaks as a class began early in 1930, even before it was officially announced.¹³ As Sh. Fitzpatrick reasonably showed, it was the state power that initiated collectivization, and new collective farms were organized by the newcomers who were specially sent to the countryside for that purpose. Often, they knew nothing about the village or agriculture.¹⁴

In the context of radical restructuring of the national economy, it became necessary to change the administrative and territorial structure, since it was (and continues to be) crucial for creating an effective management system and functioning of

⁸ I.V. Goncharova, “Modern Conceptual Approaches in the Historiography of Collectivization” [in Russian], *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, no. 1 (2015): 21–28.

⁹ I.V. Goncharova, “The Peasantry of Central Black Earth Oblast in the Context of Preparation and Implementation of Collectivization in 1928–1932” [in Russian] (Doctoral diss., Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2015), 301.

¹⁰ Goncharova, “The Peasantry of Central Black Earth Oblast,” 330.

¹¹ M.A. Beznin, and T.M. Dimoni, *Agrarian System of Russia in the 1930s–1980s* [in Russian] (Moscow: LENAND, 2014), 606–07.

¹² V.A. Il'inykh, and O.K. Kavtsevich, eds., *The Policy of Disintegration of the Peasant Class in Siberia* [in Russian], iss. 1, *Stages and Methods of Liquidation of Peasant Economy. 1930–1940. Chronicle and Documentary Collection* (Novosibirsk: Izdatel'stvo IDMI, 2000), 10–11.

¹³ E.A. Kir'yanova, “Dekulakization of the Peasantry in Central Russia in the Early 1930s” [in Russian]. *Voprosy istorii*, no. 5 (2006): 146–52.

¹⁴ Sh. Fitzpatrick, *Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization* [in Russian], trans. L.Yu. Pantina (Moscow: ROSSPEN, 2001), 63.

authorities and management at the local level. Initially, within the framework of the NEP, it was supposed to create

an optimal management structure based on a system of cities, territorial production complexes, and economic regions united by energy production cycles.¹⁵

However, due to the beginning of the Stalin transformations, it became necessary to make changes to that system. The research works of T. Solov'eva, O. Shul'gina,¹⁶ A. Sysov,¹⁷ S. Evdokimov,¹⁸ and E. Shiryaev¹⁹ are devoted to the analysis of the establishment of new administrative territorial entities in the 1920s and the 1930s.

Our interest in the history of the creation and functioning of one of the okrugs in the Nizhny Novgorod Krai is due to the fact that this topic has not been considered in modern historiography. Meanwhile, there are both rich archival material and works devoted to the okrugs of other mega-oblasts of Russia available. The works by I. Petrishina²⁰ and A. Saran are devoted to the analysis of party organization in the okrugs of Central Black Earth Oblast; by A. Vorobei,²¹ to Northern Krai. In particular, A. Saran came to the conclusion that

¹⁵ T.V. Solov'eva, "Administrative Territorial Reform of 1923 in the Urals: An Experiment in Economic Zoning" [in Russian], in *The Document. The Archive. History. Modernity: A Collection of Scientific Papers*, ed. A.V. Chernoukhov et al., iss. 5 (Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2005), 22.

¹⁶ O.V. Shul'gina, "Administrative Territorial Division in the 20th Century: Historical and Geographical Aspect" [in Russian] (Doctoral diss., Moscow City Pedagogical University, 2005).

¹⁷ A.I. Sysov, "Administrative Territorial Reforms of the 1920s–1930s in the Urals: Main Stages and Determining Factors" [in Russian], in *The Archive in the Society – the Society in the Archive: Proceedings of the Second Regional Scientific and Practical Conference*, ed. N.A. Antipin (Chelyabinsk: Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Chelyabinskoi oblasti, 2019), 62–65.

¹⁸ S.I. Evdokimov, "Evaluation of Administrative Territorial Reforms as a Way of Increasing the Economic Efficiency of Territories" [in Russian], *Pskovskii regionologicheskii zhurnal*, no. 13 (2012): 176–79.

¹⁹ E.A. Shiryaev, "Reforming the Administrative Territorial Structure of the RSFSR in the 1930s" [in Russian], *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik*, no. 26 (2011): 1–12.

²⁰ I.D. Petrishina, "The General Purge of Rural Communists in the Borisoglebskii District of the Central Black Earth Region (1929)" [in Russian], *Novyi istoricheskii vestnik*, no. 71 (1) (2022): 41–57.

²¹ A.P. Vorobei, "The Influence of Structural Reorganization of the VKP(b) Bodies on the Course and Results of Collectivization in Northern Krai in 1929–1930" [in Russian] (PhD diss., Pomor State University named after M.V. Lomonosov, 1999).

the okrug government was transitional in nature between the raion and the oblast levels. It was preserved largely due to its rudimentary nature as a remnant of the governorate structure of the country's governance system.²²

In local historiography on the history of functioning of the okrugs, we can point out the booklet *Thirty Glorious Combat Years* published in 1933 and *Essays on the History of the Kirov Organization of the CPSU*.²³ They considered the right and left biases in the ranks of the party organization, the struggle against them by the okrug committee, the leadership of the collectivization process, and overcoming the "distortions of the party line."²⁴ Let us also mention the review article by T. Lozhkina about the history of changes in the administrative territorial division of the Vyatka land.²⁵ To date, the okrug party organizations of the region remain unexplored although several articles are devoted to certain aspects of their history.²⁶

Application of institutional approach allows the author to study the activities of the institute of the okrug organization of the VKP(b) in specific historical conditions rather than as an ideal model.

Okrug formation

The administrative territorial reform of the 1920s–30s should be considered within the framework of the general concept of modernization of the country, when "waves of consolidation and disaggregation were separated by long phases of stabilization"²⁷ in the development of the administrative territorial division. The general logic of creating mega-oblasts is clear in principle: it was intended to increase the manageability of the territory by appointing to leadership positions the loyal supporters of the reformer with the broadest powers. As for the formation of okrugs, their appearance was of a compromise nature. As O. Shul'gina noted,

²² A.Yu. Saran, "Elimination of Districts in 1930 and Crisis of Mega-Areas (On the Example of Central Black Earth Region)" [in Russian], *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, no. 10 (2016): 214.

²³ *Thirty Glorious Combat Years. 1903–1933* [in Russian] (Vyatka: Vyatskii gorraikom, 1933), 64–65.

²⁴ *Essays on the History of the Kirov Organization of the CPSU* [in Russian], pt. 2, 1918–1968, comp. E.S. Sadyrina, A.S. Bystrova, V.F. Sukhodoev, et al. (Gorky: Volgo-Vyatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1969), 179–97.

²⁵ T.E. Lozhkina, "Administrative Territorial Structure of the Vyatka Region in the 18th–21st Centuries" [in Russian]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, no. 2 (5) (2011): 174–80.

²⁶ P.N. Sharabarov, "'Right-Wing Deviation' in the Socio-Political Life of the Vyatka Region in 1928–1933" [in Russian] (PhD thesis, Udmurt State University, 2010); I.V. Chemozanov, "Agriculture of Vyatka Region in the First Years of Mass Collectivization (1929–1934)" [in Russian]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, no. 6 (2016): 55–69.

²⁷ Evdokimov, "Evaluation of Administrative Territorial Reforms," 77.

the principle of rational management of territories, the desire for a fairly uniform economic development, and at the same time the allocation of support centers for economic development and public services manifested themselves in the formation of the okrug division grid.²⁸

From this point of view, the okrugs allowed combining “the tasks of political management of the territory with the tasks of its economic development and objective economic and geographical zoning.”²⁹ At the same time, A. Saran quite rightly pointed out that the okrug authorities were “transitional in nature” and were preserved “largely due to its rudimentary character. . .”³⁰ The preservation of part of the former governorate level incorporated into the new oblast system was supposed to attract loyal local personnel to radical transformations, on the one hand, and to place them under proper control, on the other hand. As the administrative apparatus of the oblasts strengthened, “their desire to directly go to the management of the raions grew stronger, without the transitional okrug link.”³¹ Thus, the compromise of the administrative territorial reform was caused by both the contradictory policies of the NEP and the political plans of the ruling party.

The decision to form Nizhny Novgorod Oblast was made at the meetings of the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee on January 14 and February 4, 1929. At the meeting of the Provisional Bureau of the VKP(b) Central Committee in Nizhny Novgorod Oblast on April 25, 1929, the staff of the provisional party and Soviet committees of Vyatka Okrug was approved: Eduard Pramnek headed the party organizational bureau and Ivan Kolpakov, the Soviet Organizing Committee. In August 1929, three okrugs were formed in the territory of the former Vyatka Governorate: Vyatka Okrug, Kotelnich Okrug, and Nolinsk Okrug. The first of them consisted of the following raions: Belokholunitskii (Belaya Kholunitsa), Verkhoshizhenskii (Verkhoshizhem'e), Vozhgal'skii (Vogzhaly), Vyatskii (Vyatka), Zuevskii (Zuevka), Zyuzdinskii (Zyuzdino), Kaiskii (Kai), Murashinskii (Murashi), Omutninskii (Omutninsk), Orichevskii (Orichi), Prosnitskii (Prosnitsa), Sinegorskii (Sinigor'e), Slobodskoi (Slobodskoe), Falenskii (Falenki), Khalturinskii (Khalturiny).

The okrugs were based on the principles of

²⁸ Shul'gina, “Administrative Territorial Division,” 25.

²⁹ Shul'gina, “Administrative Territorial Division,” 25.

³⁰ Saran, “Elimination of Districts in 1930,” 214.

³¹ Saran, “Elimination of Districts in 1930,” 214.

the homogeneity of the economy, the availability of economic ties that allow managing the economic life of the okrug on the basis of gravitation around the established and emerging economic and cultural centers.³²

Vyatka Okrug was an agrarian region. Its industry was poorly developed and represented only by leather, chemical, and forestry enterprises and railway transport, which employed about 20 thousand people.

On July 15, 1929, the First Vyatka Okrug Party Conference opened. It set “a lot of immediate tasks.” The first of them was “to complete zoning.” The local communists reported that

they formed the okrug party and Soviet bodies, selected raion leaders: raion committee secretaries and raion executive committee chairmen; the best communists were selected.³³

However, the leadership of the zoning process by the party and Soviet authorities left much to be desired. For instance, the okrug organizing committee for Soviet construction prepared and sent instructions on the organization of the raions of the okrug. A letter from the head of the Zuevka Soviet Organizing Committee Plosker to the chairman of the okrug organizing committee Ivan Kolpakov shows how well it was understood in the raions:

The instructions on the organization of the raion indicate that the organizational commission is responsible for preparing the budget of the future raion. Of course, we are not doing anything. There were no instructions. I do not even know where to start. . . The situation [with the premises] is terrible here. I don't know where to put not only myself but also a significant part of institutions and organizations. [There are] several dilapidated buildings that need money and more money to rebuild. . . The buildings that were available were rented out either to beer shops or to the state alcohol store.³⁴

It should be noted that only 3 of 15 raions were created on the basis of former uyezds, which is why, like Zuevka, they did not even have the necessary material infrastructure.

³² V.M. Voronov, ed., *Nizhny Novgorod Oblast. A Brief Description* [in Russian] (Nizhny Novgorod: Nizhpoligraf, 1929), 3–4.

³³ Voronov, *Nizhny Novgorod Oblast*, 45.

³⁴ “Pis'mo rukovoditelya Zuevskogo raiona Ploskera 17 iyunya 1929 g.” [Letter from the head of Zuevkii Raion Plosker. June 17, 1929]. F. R-877, op. 1, d. 260, ll. 55 ob.–56. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Kirovskoi oblasti [Central State Archives of Kirov Oblast] (TsGAKO), Kirov, Russia.

The second joint plenum of the Vyatka Okrug Committee and the Control Commission of the VKP(b), held on August 19–21, 1929, summed up the preliminary results of the “organizational period of zoning.” According to Pramnek, zoning took place “in a healthy and normal environment.”³⁵ It was noted that in some raion party organizations, the work on zoning was carried out well.³⁶ At the same time, according to the materials of the raion party conferences, in some places the process of zoning was going on with great difficulties. Speaking at the first party conference of Belokholunitskii Raion, Lazar Pugachevskii, a representative of the okrug party committee, noted, “. . .they are not able to complete the apparatus at the local level,”³⁷ with which Aleksei Shupletsov,³⁸ secretary of the raion committee, agreed. According to the representative of the okrug party committee A. Melitsev, in the debate on zoning at the First Falenskii Raion party conference, they “forgot” to discuss zoning!³⁹ The “insufficient explanatory work on zoning among the population” was discussed in the debates at the First Vozhgalskii Raion party conference,⁴⁰ at the general meeting of the city party organization in Slobodskoe on June 28, 1929,⁴¹ and at the party conference in Khalturin on June 30, 1929.⁴²

Staff

On August 24, 1929, the meeting of the Nizhny Novgorod Krai Party Committee approved the staff tables and salary rates of okrug committee employees and staff tables of rural and raion committees.⁴³ The structure of the Vyatka Okrug Committee,

³⁵ “Protokol zasedaniya II ob"edinennogo plenuma Vyatskogo okruzhkoma i okruzhnoi kontrol'noi komissii 19–21 avgusta 1929 g.” [Minutes of the meeting of the 2nd joint plenum of the Vyatka Okrug Committee and the Okrug Control Commission. August 19–21, 1929]. F. P-2, op. 1, d. 13, l. 11 ob. TsGAKO.

³⁶ “Pis'mo predsedatelya Prosnitskogo raikoma Biryukovoi” [Letter from the Chairman of the Prosnitskii Raion Committee Biryukova]. F. P-2, op. 1, d. 65, l. 9. TsGAKO.

³⁷ “Protokol I Belokholunitskoi raionnoi partiinoi konferentsii 3 iyulya 1929 g.” [Minutes of the 1st Belokholunitskoi Raion Party Conference, July 3, 1929]. F. P-2, op. 1, d. 65, l. 66. TsGAKO.

³⁸ *Ibid.*, l. 69.

³⁹ *Ibid.*, l. 78.

⁴⁰ “Protokol I Vozhgal'skoi raionnoi partiinoi konferentsii 30 iyunya 1929 g.” [Minutes of the 1st Vozhgal'skii Raion Party Conference, June 30, 1929]. F. P-2, op. 1, d. 65, l. 52. TsGAKO.

⁴¹ “Protokol obshchego sobraniya gorodskoi organizatsii VKP(b) g. Slobodskogo 28 iyunya 1929 g.” [Minutes of the general meeting of the town organization of the VKP(b) of the town of Slobodskoe, June 28, 1929]. F. P-2, op. 1, d. 65, l. 27. TsGAKO.

⁴² “Pis'mo predsedatelya Prosnitskogo raikoma Biryukovoi” [Letter from the Chairman of the Prosnitskii Raion Committee Biryukova]. F. P-2, op. 1, d. 65, l. 11. TsGAKO.

⁴³ “Vypiska iz protokola № 2 zasedaniya sekretariata Nizhegorodskogo kraikoma VKP(b) 24 avgusta 1929 g.” [Extract from minutes no. 2 of the meeting of the Secretariat of the Nizhny Novgorod Krai Committee of the VKP(b), August 24, 1929]. F. P-2, op. 1, d. 36, l. 51. TsGAKO.

classified in the first group,⁴⁴ included secretary and executive officer, an organizational department, agitprop, a department for work in the countryside, and a department for work among workers and peasants. In total, the committee consisted of 19 responsible employees and 9 technical staff,⁴⁵ which largely corresponded to the staff of the former governorate committee of the party.⁴⁶ Of 15 rural raion committees, 11 were assigned to the 4th group, in which, in addition to the secretary, it was necessary to have a head of the organizational department and a clerk. In the raion committees of the 5th group, Verkhoshizhenskii and Kaiskii, the staffing tables provided only for the secretary.⁴⁷ Obviously, such a small staff, when the committee consisted of one or two responsible employees, created objective conditions for disrupting the course of transformations, which was referred to as breaches (*proryvy*) in the party literature of those years.⁴⁸ It must be said that the party organizations understood that. As early as at the First Vyatka Okrug Party Conference, the secretary of the Falenskii Raion party committee, A. Lozhenitsyn, stated:

. . . it seems to me that in terms of staff of the raion committees, the oblast and okrug authorities did not take something into account because with one secretary of the raion committee it is extremely difficult to cope with the work and, of course, there will be big problems.⁴⁹

Characteristics of the personnel

The personnel of the okrug and raion Soviet bodies did not correspond to the tasks assigned. In particular, the educational level of okrug and raion committee members was extremely low. Of the 11 members of the okrug committee elected at the first okrug party conference, 9 had elementary education.⁵⁰ Of the 38 members of the plenum of the okrug committee, 33 had acquired the basic literacy skills.⁵¹ All

⁴⁴ The okrug committees of the VKP(b) of the first group were established in large cities on the basis of former governorate committees, which had a branching structure.

⁴⁵ "Smeta okruzhkoma VKP(b)" [Estimate of the okrug committee of the VKP(b)]. F. P-2, op. 1, d. 36, l. 110. TsGAKO.

⁴⁶ "Vedomost' na vydachu zarabotnoi platy Vyatskogo gubkoma VKP(b) za iyun' 1929 g." [Pay list of the Vyatka governorate committee of the VKP(b) for June 1929]. F. P-2, op. 1, d. 38, ll. 14–17 ob. TsGAKO.

⁴⁷ "Smeta okruzhkoma VKP(b)" [Estimates of the okrug committee of the VKP(b)]. F. P-2, op. 1, d. 36, ll. 116, 117, 118. TsGAKO.

⁴⁸ *17th Congress of the VKP(b). January 26 – February 10, 1934. Verbatim report* [in Russian] (Moscow: Partizdat, 1934), 33.

⁴⁹ "Protokol I Vyatskoi okruzhnoi partiinoi konferentsii 15–17 iyulya 1929 g." [Minutes of the 1st Vyatka Okrug Party Conference, July 15–17, 1929]. F. 2, op. 1, d. 7, l. 55. TsGAKO.

⁵⁰ "Spiski chlenov i kandidatov okruzhkoma VKP(b)" [Lists of members and candidates of the okrug committee of the VKP(b)]. F. P-2, op. 1, d. 30, ll. 6 ob.–7. TsGAKO.

⁵¹ *Ibid.*, l. 7–7 ob.

members of the okrug control commission,⁵² the absolute majority of raion committee secretaries, even the head of the okrug agitation and propaganda department A. Melitsev, and his deputy could barely read and write.⁵³ Almost 70% of responsible party workers at the raion level had elementary education,⁵⁴ which roughly corresponded to the level of education of responsible Soviet and judicial prosecutorial workers. 14 of the 15 chairmen of the raion executive committees and the entire leadership of the OGPU okrug department headed by Iosif Tarashkevich had only elementary education.⁵⁵ Therefore, it is quite understandable that according to Ivan Derishev, a member of the okrug control commission, “at the local level, right and left deviations are identified accurately enough not everywhere.”⁵⁶

The party members had to take an ideologically correct position determined by the party leadership and put it into practice accordingly. However, situations like the one described in the okrug committee’s report on the work of raion conferences (April 1930) often arose: “There were no speeches at conferences with right or left sentiments. In the practical work of individual party members and even cells, there were manifestations of a right-wing bias.” For example, the Podrel'e cell of the Khalturinskii Raion “ignored work with farm laborers and the poor and suppressed self-criticism.” Such facts as the refusal of a communist to join a collective farm and the refusal to hand over property to the commune could also be attributed to the “right deviation.”⁵⁷ It is noteworthy that “leftist excesses were evident in almost all okrugs. . .” They were expressed in “administration, intimidation, arrests of individual poor and middle-income peasants. . .”⁵⁸ In other words, responsible party officials had to constantly correlate their actions with the party’s guidelines in their practical activities, understand them correctly, and apply them in practice. It was extremely difficult for party members with elementary education to do that. As will

⁵² “Spiski chlenov i kandidatov okruzhkoma VKP(b)” [Lists of members and candidates of the okrug committee of the VKP(b)]. F. P-2, op. 1, d. 30, l. 8–8 ob. TsGAKO.

⁵³ Ibid., l. 6 ob.

⁵⁴ “Spiski otvetstvennykh rabotnikov okruzhnykh i raionnykh partiinykh organizatsii, avgust 1929–mai 1930 g.” [Lists of responsible workers of okrug and raion party organizations, August 1929–May 1930]. F. P-2, op. 1, d. 33, ll. 1–8 ob. TsGAKO.

⁵⁵ Ibid., ll. 102 ob.–105.

⁵⁶ “Protokol rasshirenogo ob"edinennogo zasedaniya byuro Vyatskogo okruzhkoma i prezidiuma okruzhnoi kontrol'noi komissii 9 noyabrya 1929 g.” [Minutes of the extended joint meeting of the bureau of the Vyatka Okrug Committee and the presidium of the okrug control commission on November 9, 1929]. F. P-2, op. 1, d. 18, l. 170. TsGAKO.

⁵⁷ “Svodka ob itogakh raboty raionnykh partiinykh sobranii i konferentsii VKP(b) Vyatskogo okruga” [Summary of the results of the raion party meetings and conferences of the VKP(b) of Vyatka Okrug]. F. P-2, op. 1, d. 44, l. 83. TsGAKO.

⁵⁸ Ibid.

be shown below, 6 out of 15 secretaries of raion party organizations failed to cope with this task although they were named the best.⁵⁹

The state of the raion and local party organizations

One of the forms of organizational and party work of the okrug committee was the inspection of the state of raion party organizations and industrial, rural, and other party cells. It should be said that the staff of the okrug committee regarded the inspection very thoroughly: it was conducted in all respects, from the socio-economic characteristics of the raion, the enterprise, and the institution to the political mood of the population and the activities of the party organization itself. In July 1929, an inspection of the Murashinskii Raion party organization was carried out. The conclusions of the commission that examined the organization emphasized that the shortcomings that had existed in the work of the volost committee of the party before the creation of the raion had not been eliminated. In fact, the transformation of the volost committee into the raion committee changed little. The directives of the governorate and okrug committees “on the growth of the party had not reached the cells,” work with the activists “was not conducted,” the issue of attracting new members “was not discussed” at the meeting of the raion committee, party education in village cells “was extremely weak,” two thirds of communist peasants did not join collective farms, and the cells in the villages mostly consisted of careerists.⁶⁰

An inspection of the work of the Kaiskii Raion party organization (autumn 1929) also revealed obvious “breaches”: it “did not restructure its work in accordance with the tasks of the reconstruction period.” The work of the raion committee “lacked clear class attitudes and an analysis of the class struggle.”⁶¹ According to the results of the examination of the activities of the second city raion committee of Vyatka conducted in late 1929 – early 1930, the activity of production cells at the enterprises of the raion was considered unsatisfactory.⁶²

Thus, the quality of work of party organizations was at a very low level, which called into question the implementation of the policy of socialist reconstruction of the

⁵⁹ “Protokol I Vyatskoi okruzhnoi partiinoi konferentsii 15–17 iyulya 1929 g.” [Minutes of the 1st Vyatka Okrug Party Conference on July 15–17, 1929]. F. P-2, op. 1, d. 7, l. 45. TsGAKO.

⁶⁰ “Materialy po izucheniyu Murashinskoi raionnoi partiinoi organizatsii” [Materials on the study of the Murashinskii raion party organization]. F. P-2, op. 1, d. 44, ll. 38 ob.–39. TsGAKO.

⁶¹ “Rezolyutsiya byuro okruzhkoma VKP(b) o sostoyanii i rabote Kaiskoi raionnoi partiinoi organizatsii” [Resolution of the Bureau of the Okrug Committee of the VKP(b) on the status and work of the Kaiskii Raion Party Organization]. F. P-2, op. 1, d. 40, l. 125. TsGAKO.

⁶² “Rezolyutsiya byuro okruzhkoma VKP(b) o rabote II raionnoi partiinoi organizatsii Vyatki” [Resolution of the Bureau of the Okrug Committee of the VKP(b) on the work of the 2nd Raion Party Organization of Vyatka]. F. P-2, op. 1, d. 40, l. 75. TsGAKO.

okrug. The level of party work was approximately the same, for example, in Sukhinichskii Okrug of Western Oblast.⁶³

Areas of work of the okrug party organization

The work plans of the okrug committee reflected the tasks of the course for the reconstruction of the national economy, the solution of which depended primarily on the activities of the party “engine.” However, the okrug committee paid clearly insufficient attention to the issues of internal party life.⁶⁴ In the work plan for August 1929 – January 1930, of 65 items, only 20 related to internal party work; in the plan for January–May 1930, only 9 of 45. The rest were devoted to the management of various branches of the national economy, the activities of the Soviets, the Komsomol, and trade unions.⁶⁵

Collectivization of agriculture was among the main activities of both the party and Soviet organs of the okrug. In pursuance of the resolution of the November 1929 Plenum of the Central Committee of the Party and the decisions of the Nizhny Novgorod Krai Committee as of December 13, “On the Pace of Collectivization of the Region,” the Vyatka Okrug Committee decided to complete collectivization in three raions (Falenskii, Vozhgal'skii, and Zuevskii) in the spring of 1930. It has not been established what this decision was based on. In early March 1930, when Stalin’s article “Dizzy with Success”⁶⁶ was published, the okrug party committee tried to justify themselves by shifting the blame on the raion committees. The resolution of the okrug committee noted that at the end of 1929, in the work of the Falenskii Raion party organization

the issues of socialist reconstruction and rise of agriculture were not put in the spotlight. . . The party and Soviet organizations had absolutely no well-thought-out and firm plan for the development of agriculture. . . Therefore, the increase of collective farms was spontaneous. . .⁶⁷

⁶³ O.I. Ievleva, “The Practice of Collectivization and Dekulakization in Sukhinichi Okrug of Western Oblast of the RSFSR (1929–1930)” [in Russian] (PhD diss., Bryansk State Pedagogical University named after I.G. Petrovsky, 2018), 138.

⁶⁴ “Plan raboty byuro okruzhkoma na avgust 1929 – yanvar' 1930 g.” [Plan of activities of the okrug committee bureau for August 1929 – January 1930]. F. P-2, op. 1, d. 16, ll. 2–7. TsGAKO.

⁶⁵ “Plan raboty byuro okruzhkoma na yanvar'-mai 1930 g.” [Plan of activities of the okrug committee bureau for January–May 1930]. F. P-2, op. 1, d. 132, ll. 2–3. TsGAKO.

⁶⁶ J. Stalin, “Dizzy with Success. Concerning Questions of the Collective-Farm Movement” [in Russian], *Pravda*, March 2, 1930, 1.

⁶⁷ “Rezolyutsiya o rabote Falenskoii raionnoi organizatsii” [Resolution on the work of Falenskii raion party organization]. F. P-2, op. 1, d. 18, l. 262. TsGAKO.

Meanwhile, in December 1929, the Third Plenum of the Vyatka Okrug Party Committee rightly stated that “party members look askance at collectivization. . . Party members associated with the countryside are reluctant to join collective farms.”⁶⁸ But there was no proper response from the okrug committee.

In some areas, the campaign to collect arrears in February 1930 was accompanied by clearly criminal actions on the part of a number of responsible party and Soviet workers.⁶⁹ After checking the situation in Omutninskii Raion on February 17, OGPU representative Gasnikov reported to his supervisor that in the party’s raion committee, the campaign was understood as dekulakization.⁷⁰ In Zyuzdinskii Raion, when it became clear that there were no arrears, a list of 1,000 farms was compiled “completely arbitrarily” under the leadership of Pavel Chadaev, secretary of the raion party committee. From this list, 360 farms were subjected to dekulakization.⁷¹ Such “excesses” were also recorded in Vyatka Raion and Zuevskii Raion.⁷² When instructing the teams to collect arrears, Petr Semakov, secretary of the Medyanskii party cell in Vyatka Raion ordered “complete dekulakization of all kulaks. . . The teams did unacceptable ugly things.”⁷³

The bureau of the okrug committee suggested that the raion committees “immediately organize work to review the entire operation and correct all the distortions,” warning that otherwise the raion committee secretaries “would be removed from their jobs and subjected to party and judicial responsibility.”⁷⁴ The okrug committee sent responsible employees to the raion committees to check the actual situation. As a result, 22 people were put on trial, including 13 Communists

⁶⁸ “Protokol III plenuma okruzhkoma 3–6 dekabrya 1929 g.” [Minutes of the 3rd plenum of the okrug committee, December 3–6, 1929]. F. P-2, op. 1, d. 15, l. 28 ob. TsGAKO.

⁶⁹ “Dokladnaya zapiska upolnomochennogo OGPU Gasnikova zaveduyushchemu Vyatskim otdelom OGPU 18 fevralya 1930 g.” [Memorandum of authorized representative of the OGPU Gasnikov to the head of the Vyatka OGPU department, February 18, 1930]. F. P-2, op. 1, d. 145, l. 164. TsGAKO.

⁷⁰ Ibid.

⁷¹ “Zaklyuchenie sledstvennogo otdela Vyatskogo okruzhnogo otdela OGPU 11 aprelya 1930 g.” [Findings of the investigative department of the Vyatka okrug OGPU department, April 11, 1930]. F. R-877, op. 2, d. 16, ll. 421–422. TsGAKO.

⁷² “Vneocherednoi donos o provedenii kampanii po iz'yatiyu tsennostei u nedoimshchikov po Vyatskomu okrug. 15 fevralya 1930 g.” [Special information on the campaign to confiscate valuables from defaulters in Vyatka Okrug]. February 15, 1930. F. R-877, op. 2, d. 10, ll. 135–136. TsGAKO.

⁷³ “Spetssvodka OGPU po Vyatskomu okrug. 20 fevralya 1930 g.” [Special report of the OGPU for Vyatka Okrug, February 20, 1930]. F. R-877, op. 2, d. 10, l. 156. TsGAKO.

⁷⁴ “Dokladnaya zapiska o meropriyatiyakh okruzhkoma po bor'be s iskrivleniyami v kolkhoznom dvizhenii 18 marta 1930 g.” [Memorandum on the activities of the district committee to combat distortions in the collective farm movement, March 18, 1930]. F. P-2, op. 1, d. 145, l. 17. TsGAKO.

and 2 Komsomol members.⁷⁵ Having familiarized themselves with the situation in the raions, the okrug committee was forced to “warn the raion committees against excessive enthusiasm for communes”⁷⁶ on February 24, 1930. An editorial in *Vyatskaya pravda* was devoted to the “excesses” in the collective farm movement.⁷⁷ In connection with the mass departure of peasants from collective farms that followed Stalin’s aforementioned article, the plenum of the okrug committee urgently demanded on March 8 that the communes be transferred under the charter of agricultural artels.

On March 14, 1930, the bureau of the okrug committee heard a report on the situation in Zuevskii Raion and Falenskii Raion. The OGPU commissioner in Zuevskii Raion, Krivoshein, reported to his superiors on March 12, 1930: “The political condition of Zuevskii Raion. . . is getting extremely tense”.⁷⁸ The okrug committee was forced to take organizational measures. By a decree of the okrug party committee dated March 22, 1930, the Zuevskii Raion committee was dissolved. The commission, which arrived at the scene of the investigation, revealed “a number of distortions and excesses, and numerous facts of administrative mismanagement.” Moreover, the typical methods of of the raion party committee’s work were threats, blackmail, and deception.⁷⁹

Numerous cases of distortion of the party line in collective farm construction became known in the krai party committee. Therefore, on March 18, 1930 the Vyatka Okrug Committee was forced to send a highly secret memo to Nizhny Novgorod addressed to A.A. Zhdanov with a report on the identified violations. It stated:

In carrying out collectivization in most raions of the okrug, local organizations and visiting brigades committed gross distortions and violations of the party’s policy. There are many cases of forced involvement of peasants in collective farms by intimidating them with dekulakization, deprivation of voting rights, and

⁷⁵ “Dokladnaya zapiska o meropriyatiyakh okruzhkoma po bor’be s iskrivleniyami v kolkhoznom dvizhenii 18 marta 1930 g.” [Memorandum on the activities of the district committee to combat distortions in the collective farm movement, March 18, 1930]. F. P-2, op. 1, d. 145, l. 17 ob. TsGAKO.

⁷⁶ Ibid.

⁷⁷ “Fire on the Distortions of the Party Line” [in Russian], *Vyatskaya Pravda*, no. 42, February 20, 1930, 1.

⁷⁸ “Dokladnaya zapiska upolnomochennogo Vyatskogo okruzhnogo otdela OGPU po Zuevskomu raionu Krivosheina 12 marta 1930 g.” [Memorandum of the authorized representative of the Vyatka okrug OGPU department in Zuevskii Raion Krivoshein, March 12, 1930]. F. R-877, op. 2, d. 16, l. 146. TsGAKO.

⁷⁹ “Tsirkulyar Vyatskogo okruzhkoma VKP(b) 28 marta 1930 g. ‘Vsem raikomam’” [Circular of the Vyatka Okrug Committee of the VKP(b) as of March 28, 1930 “To all raion committees”]. F. P-2, op. 1, d. 144, l. 38. TsGAKO.

eviction to swamps. The socialization of the property of newly joined peasants was carried out without any preparation, in a forced manner, especially in Zuevskii and Falenskii raions. . .⁸⁰

In the summary of the okrug committee on the results of raion conferences, it was emphasized that

leftist excesses were evident in almost all raions in terms of administration, intimidation and arrests of individual poor and middle-income peasants, and there were a significant number of cases of dekulakization of middle-income peasants.⁸¹

A similar pattern was observed in the raions of Nolinsk Okrug of Nizhny Novgorod Krai⁸² and other regions of the country.⁸³

Despite the measures taken in March, the situation in Zuevskii Raion in the summer of 1930 was “completely unsatisfactory. . . There was a decline in discipline and drunkenness among certain groups of party members.”⁸⁴ Nazarov, secretary of the raion committee, and Nikolai Nebogatikov, chairman of the raion executive committee, “failed to establish proper relations with the activists and tolerated. . . rudeness and lack of tact.”⁸⁵ The participants of the joint meeting of the bureau of the okrug committee and the presidium of the okrug control commission on July 9 reviewed the “recurrence of leftist mistakes” in Zuevka and took a number of drastic

⁸⁰ “Dokladnaya zapiska Vyatskogo okružnogo otdela OGPU o peregibakh, izvrashcheniyakh i zloupotrebleniyakh pri provedenii vzimaniya nedoimok” [Memorandum of the Vyatka okrug OGPU department on excesses, distortions, and abuse in the collection of arrears]. F. P-2, op. 1, d. 145, ll. 83–84. TsGAKO.

⁸¹ “Svodka ob itogakh raboty raionnykh partiinykh sobranii i konferentsii VKP(b) Vyatskogo okruga” [Summary of the results of the work of raion party meetings and conferences of the VKP(b) in Vyatka Okrug]. F. P-2, op. 1, d. 44, l. 83. TsGAKO.

⁸² “Informatsionnaya svodka ob itogakh perevyborov sel'skikh i raionnykh partiinykh organov po Nolinskomu okrugu” [Information summary on the results of re-elections of rural and raion party bodies in Nolinsk Okrug]. F. P-201, op. 1, d. 19, l. 10. TsGAKO.

⁸³ “Zakrytoe pis'mo TsK VKP(b) ‘O zadachakh kolkhoznoho dvizheniya v svyazi s bor'boi s iskrivleniyami partiinoi linii’” [Confidential letter of the VKP(b) Central Committee “On the tasks of the collective farm movement in connection with the struggle against distortions of the party line”]. F. P-2, op. 1, d. 127, l. 179. TsGAKO.

⁸⁴ “Rezolyutsiya ob"edinennogo zasedaniya byuro okružkoma i prezidiuma okružnoi kontrol'noi komissii ot 9 iyulya 1930 g. o retsitive ‘levykh’ oshibok v Zuevke” [Resolution of the joint meeting of the bureau of the okrug committee and the presidium of the okrug control commission as of July 9, 1930 on the recurrence of ‘leftist’ mistakes in Zuevka]. F. P-2, op. 1, d. 132, l. 10. TsGAKO.

⁸⁵ Ibid., l. 10 ob.

measures, including organizational ones. At the same time, the presence of similar relapses was noted “in a number of other raions.” The Zyuzdino, Belaya Kholunitsa and Murashi organizations “particularly distinguished themselves” in this regard; “there were excesses in Vyatka Raion.”⁸⁶

Due to the “distortion of the party line” in the Zyuzdino, Vozhgaly, Falenki, Belaya Kholunitsa and Murashi party organizations, the okrug committee was forced to take organizational measures.⁸⁷ The removal of the party and Soviet leadership in 6 out of 15 raions indicates major “breaches” in party work. All 6 raion committees arose on the basis of the former volost party organizations, which, despite the fact that they were headed by responsible party officials, were unable to restructure their work in accordance with the new requirements and correctly perform their duties.

We have analyzed numerous violations in the work of the okrug party organization. In the party literature of the 1930s, they were called “breaches” (*proryvy*), and those who failed to fulfill the plan were called breachers (*proryvochniki*).⁸⁸ The word “*proryv*” was defined as follows: “. . .disruption of the progress of work, leading to the disruption of the task, an evacuation plan.”⁸⁹ This concept assumes that both the population and responsible employees had a certain project, a plan for transformation. However, a study of the image of communism formed among the government officials and among the population indicates that in the late 1920s there was a very vague idea of how communism could be implemented in practice.⁹⁰ In the traditional consciousness of both the population and party workers, the concept of *proryv* was associated with the idea of attempts by enemies to destroy the communist “bastion” under construction.

The okrugs were liquidated in July 1930. In the resolution of the Nizhny Novgorod Krai Committee of the VKP(b) on July 18, 1930, it was noted that the raion committees of the krai were directly subordinated to the krai party committee. The krai committee demanded that raions should not be enlarged or their borders changed.

⁸⁶ *Thirty Glorious Combat Years*, 65. The authors of the essay were active participants in the contemporary party and political life in Vyatka okrug.

⁸⁷ *Thirty Glorious Combat Years*, 65.

⁸⁸ N.A. Romanova, I.A. Popov, and N.I. Andreeva-Vasina, comps., *Dictionary of Russian Vernacular* [in Russian], iss. 32, *Prisukha–Potish* (St Petersburg: Institut lingvisticheskikh issledovaniï RAN, 1998), 221.

⁸⁹ V.M. Mokienko, and T.G. Nikitina, *Explanatory Dictionary of the Language of Sovdepia* [in Russian] (St Petersburg: Folio-Press, 1998), 489.

⁹⁰ A.A. Fokin, “*Communism Is at Hand.*” *Images of the Future among the Authorities and the Population of the USSR at the Turn of the 1950s–1960s* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 2017), 17.

Over 90% of the okrug party workers were assigned to managing positions in raion committees.⁹¹

Conclusion

The analysis of the emergence and development of the okrug party organization allows us to draw a number of conclusions. The policy of creating raions and okrugs was largely a compromise, reflecting the contradictions of the NEP. The Vyatka Okrug Committee of the party tried to solve the tasks assigned to them, directing both internal party work and Soviet work. However, they were unable to ensure the effective functioning of okrug organizations. The staffing, organizational and technical conditions, and educational level of employees of okrug party organizations, and, to a large extent, their political and ideological appearance did not correspond to the tasks assigned to them, as evidenced by numerous "breaches" in party and Soviet work. In our opinion, the decision to liquidate the okrugs was quite logical: the okrug authorities and administrations turned out to be an extra link in the conditions of accelerated industrialization and collectivization, and party organizations were far from being able to lead radical transformations everywhere. The party and Soviet cadres released during the liquidation of the okrugs were used to strengthen the raion level.

Список литературы

Анфертьев И.А. РКП(б)–ВКП(б) и модернизация РСФСР/СССР в 1920–1930-е гг.: Программы преобразований и борьба за власть: дис. ... д-ра ист. наук. Российский государственный гуманитарный университет, 2019. 789 с.

Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России в 1930–1980-х годов. Москва: ЛЕНАНД, 2014. 608 с.

Воробей А.П. Влияние структурной перестройки органов ВКП(б) на ход и результаты коллективизации в Северном крае, в 1929–1930 годы: дис. ... канд. ист. наук. Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 1999. 231 с.

Гончарова И.В. Крестьянство Центрально-Черноземной области в условиях подготовки и проведения коллективизации в 1928–1932 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2015. 522 с.

Гончарова И.В. Современные концептуальные подходы в историографии коллективизации // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1. С. 21–28.

Гусев А.В. Левокоммунистическая оппозиция в СССР в конце 20-х годов // Отечественная история. 1996. № 1. С. 85–103.

⁹¹ E.I. Kiryukhina et al., eds., *On the Right Path. Chronicle of the History of the Kirov CPSU Organization. 1883–1983* [in Russian] (Kirov: Volgo-Vyatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1983), 168.

Евдокимов С.И. Оценка административно-территориальных реформ как способа повышения экономической эффективности территорий // Псковский регионологический журнал. 2012. № 13. С. 176–179.

Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. Москва: Наука, 2006. 315 с.

Иевлева О.И. Практика коллективизации и раскулачивания в Сухиничском округе Западной области РСФСР (1929–1930 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Брянский государственный педагогический университет им. И.Г. Петровского, 2018. 323 с.

Кирьянова Е.А. Раскулачивание крестьянства центра России в начале 1930-х годов // Вопросы истории. 2006. № 5. С. 146–152.

Ложкина Т.Е. Административно-территориальное устройство Вятского края в XVIII–XXI вв. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 2 (5). С. 174–180.

Малиа М. Советская трагедия. История социализма в России. 1917–1991 / перевод с английского А.В. Юрасовского, А.В. Юрасовской. Москва: РОССПЭН, 2002. 584 с.

Петришина И.Д. Генеральная чистка сельских коммунистов в Борисоглебском округе Центрально-Черноземной области (1929 год) // Новый исторический вестник. 2022. № 71 (1). С. 41–57.

Саран А.Ю. Ликвидация округов в 1930 г. и кризис мега-областей (на примере Центрально-Черноземной области) // Управленческое консультирование. 2016. № 10. С. 208–218.

Соловьева Т.В. Административно-территориальная реформа 1923 г. на Урале: опыт экономического районирования // Документ. Архив. История. Современность: сборник научных трудов / под редакцией А.В. Черноухова и др. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2005. Вып. 5. С. 22–51.

Сысов А.И. Административно-территориальные реформы 1920–1930-х гг. на Урале: основные этапы и определяющие факторы // Архив в социуме – социум в архиве: материалы второй региональной научно-практической конференции / под редакцией Н.А. Антипина. Челябинск: Объединенный государственный архив Челябинской области, 2019. С. 62–65.

Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история советской России в 30-е годы: деревня / перевод с английского Л.Ю. Пантиной. Москва: РОССПЭН, 2001. 422 с.

Фокин А.А. «Коммунизм не за горами». Образы будущего у власти и у населения СССР на рубеже 1950–1960-х гг. Москва: РОССПЭН, 2017. 225 с.

Харченко И.С., Харченко Л.И., Иванов В.Е., Иванова Д.Е. Мобилизационная экономика: история и современность // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 146–153.

Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. Москва: РОССПЭН, 2010. 479 с.

Чемоданов И.В. Сельское хозяйство Вятского региона в первые годы массовой коллективизации (1929–1934 гг.) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2016. № 6. С. 55–69.

Черемисинов Г.А. Формирование мобилизационной модели и макроэкономическая динамика СССР в годы первой пятилетки и Великой отечественной войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. № 4 (34). С. 19–35.

Шабалин В.В. Левая оппозиция в Уральской области, 1927–1930 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Пермский государственный университет, 2000. 245 с.

Шарабаров П.Н. «Правый уклон» в ВКП(б) в историографии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2007. № 2 (17). С. 119–124.

Шарабаров П.Н. «Правый уклон» в социально-политической жизни Вятского региона в 1928–1933 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Удмуртский государственный университет, 2010. 23 с.

Ширяев Е.А. Реформирование административно-территориального устройства РСФСР в 1930-е годы // Государственное управление. Электронный вестник. 2011. № 26. С. 1–12.

Шульгина О.В. Административно-территориальное деление в XX в.: историко-географический аспект: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Московский городской педагогический университет, 2005. 42 с.

Юрганов А.Л. Рождение и трансформация «генеральной линии» ЦК ВКП(б) в политической борьбе второй половины 1920-х – начала 1930-х гг. // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2021. № 7. С. 83–113.

References

Anfert'ev, I.A. "RKP(b)–VKP(b) i modernizatsiya RSFSR/SSSR v 1920–1930-e gg.: Programmy preobrazovaniya i bor'ba za vlast'" [RKP(b)–VKP(b) and the modernization of the RSFSR/USSR in the 1920s–1930s: Transformation programs and struggle for power]. Doctoral diss., Russian State University for the Humanities, 2019. (In Russian)

Beznin, M.A., and T.M. Dimoni. *Agrarnyi stroi Rossii v 1930–1980-kh godov* [Agrarian system of Russia in the 1930s–1980s]. Moscow: LENAND, 2014. (In Russian)

Chemodanov, I.V. "Sel'skoe khozyaistvo Vyatskogo regiona v pervye gody massovoi kollektivizatsii (1929–1934 gg.)" [Agriculture of Vyatka region in the first years of mass collectivization (1929–1934)]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, no. 6 (2016): 55–69. (In Russian)

Cheremisnov, G.A. "Formirovanie mobilizatsionnoi modeli i makroekonomicheskaya dinamika SSSR v gody pervoi pyatiletki i Velikoi otechestvennoi voyny" [Formation of mobilization model and macroeconomic dynamics of the USSR during the first five-year period and the Great Patriotic War]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 4 (34) (2015): 19–35. (In Russian)

Evdokimov, S.I. "Otsenka administrativno-territorial'nykh reform kak sposoba povysheniya ekonomicheskoi effektivnosti territorii" [Evaluation of administrative territorial reforms as a way of increasing the economic efficiency of territories]. *Pskovskii regionologicheskii zhurnal*, no. 13 (2012): 176–79. (In Russian)

Fitzpatrick, Sh. *Stalinskie krest'yane. Sotsial'naya istoriya sovetskoi Rossii v 30-e gody: derevnya* [Stalin's peasants: resistance and survival in the Russian village after collectivization], translated from English by L.Yu. Pantina. Moscow: ROSSPEN, 2001. (In Russian)

Fokin, A.A. "Kommunizm ne za gorami". *Obrazy budushchego u vlasti i u naseleniya SSSR na rubezhe 1950–1960-kh gg.* ["Communism is at hand." Images of the future among the authorities and the population of the USSR at the turn of the 1950s–1960s]. Moscow: ROSSPEN, 2017. (In Russian)

Goncharova, I.V. "Krest'yanstvo Tsentral'no-Chernozemnoi oblasti v usloviyakh podgotovki i provedeniya kollektivizatsii v 1928–1932 gg." [The peasantry of Central Black Earth Oblast in the

context of preparation and implementation of collectivization in 1928–1932]. Doctoral diss., Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2015. (In Russian)

Goncharova, I.V. “Sovremennye kontseptual'nye podkhody v istoriografii kollektivizatsii” [Modern conceptual approaches in the historiography of collectivization]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, no. 1 (2015): 21–28. (In Russian)

Gusev, A.V. “Levokommunisticheskaya oppozitsiya v SSSR v kontse 20-kh godov” [Left Communist opposition in the USSR in the late 1920s]. *Otechestvennaya istoriya*, no. 1 (1996): 85–103. (In Russian)

Ievleva, O.I. “Praktika kollektivizatsii i raskulachivaniya v Sukhinichskom okruge Zapadnoi oblasti RSFSR (1929–1930 gg.)” [The practice of collectivization and dekulakization in Sukhinichi Okrug of Western Oblast of the RSFSR (1929–1930)]. PhD diss., Bryansk State Pedagogical University named after I.G. Petrovsky, 2018. (In Russian)

Kharchenko I.S., L.I. Kharchenko, V.E. Ivanov, and D.E. Ivanova. “Mobilizatsionnaya ekonomika: istoriya i sovremennost'” [Mobilization economy: history and modernity]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*, no. 3 (2021): 146–53. (In Russian)

Khlevnyuk, O.V. *Khozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoi diktatury* [The master. Stalin and the establishment of Stalin's dictatorship]. Moscow: ROSSPEN, 2010. (In Russian)

Kir'yanova, E.A. “Raskulachivanie krest'yanstva tsentra Rossii v nachale 1930-kh godov” [Dekulakization of the peasantry in Central Russia in the early 1930s]. *Voprosy istorii*, no. 5 (2006): 146–52. (In Russian)

Lozhkina, T.E. “Administrativno-territorial'noe ustroistvo Vyatskogo kraja v XVIII–XXI vv.” [Administrative territorial structure of the Vyatka region in the 18th–21st centuries]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta*, no. 2 (5) (2011): 174–80. (In Russian)

Malia, M. *Sovetskaya tragediya. Istoriya sotsializma v Rossii. 1917–1991* [The Soviet tragedy: A history of Socialism in Russia, 1917–1991], translated from English by A.V. Yurasovskii, and A.V. Yurasovskaya. Moscow: ROSSPEN, 2002. (In Russian)

Petrishina, I.D. “General'naya chistka sel'skikh kommunistov v Borisoglebskom okruge Tsentral'no-Chernozemnoi oblasti (1929 god)” [The general purge of rural communists in the Borisoglebskii district of the Central Black Earth region (1929)]. *Novyi istoricheskii vestnik*, no. 71 (1) (2022): 41–57. (In Russian)

Saran, A.Yu. “Likvidatsiya okrugov v 1930 g. i krizis mega-oblastei (na primere Tsentral'no-Chernozemnoi oblasti)” [Elimination of districts in 1930 and crisis of mega-areas (on the example of Central Black Earth Region)]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, no. 10 (2016): 208–18. (In Russian)

Shabalin, V.V. “Levaya oppozitsiya v Ural'skoi oblasti, 1927–1930 gg.” [The Left Opposition in Ural Oblast, 1927–1930]. PhD diss., Perm State University, 2000. (In Russian)

Sharabarov, P.N. ““Pravyi ukлон' v sotsial'no-politicheskoi zhizni Vyatskogo regiona v 1928–1933 gg.” [“Right-wing deviation” in the socio-political life of the Vyatka region in 1928–1933]. PhD thesis, Udmurt State University, 2010.

Sharabarov, P.N. ““Pravyi ukлон' v VKP(b) v istoriografii” [“Right-wing deviation” in the VKP(b) in historiography]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta*, no. 2 (17) (2007): 119–24. (In Russian)

Shiryayev, E.A. “Reformirovanie administrativno-territorial'nogo ustroistva RSFSR v 1930-e gody” [Reforming the administrative territorial structure of the RSFSR in the 1930s]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik*, no. 26 (2011): 1–12. (In Russian)

Shul'gina, O.V. "Administrativno-territorial'noe delenie v XX v.: istoriko-geograficheskii aspekt" [Administrative territorial division in the 20th century: Historical and geographical aspect]. Doctoral diss., Moscow City Pedagogical University, 2005. (In Russian)

Solov'eva, T.V. "Administrativno-territorial'naya reforma 1923 g. na Urale: opyt ekonomicheskogo raionirovaniya" [Administrative territorial reform of 1923 in the Urals: An experiment in economic zoning]. In *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost': sbornik nauchnykh trudov* [The document. The archive. History. Modernity: a collection of scientific papers], edited by A.V. Chernoukhov et al., iss. 5, 22–51. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2005. (In Russian)

Sysov, A.I. "Administrativno-territorial'nye reformy 1920–1930-kh gg. na Urale: osnovnye etapy i opredelyayushchie faktory" [Administrative territorial reforms of the 1920s–1930s in the Urals: Main stages and determining factors]. In *Arkhiv v sotsiume – sotsium v arkhive: materialy vtoroi regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [The archive in the society – the society in the archive: proceedings of the second regional scientific and practical conference], edited by N.A. Antipin, 62–65. Chelyabinsk: Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Chelyabinskoi oblasti, 2019. (In Russian)

Vorobei, A.P. "Vliyanie strukturnoi perestroiki organov VKP(b) na khod i rezul'taty kollektivizatsii v Severnom krae, v 1929–1930 gody" [The influence of structural reorganization of the VKP(b) bodies on the course and results of collectivization in Northern Krai in 1929–1930]. PhD diss., Pomor State University named after M.V. Lomonosov, 1999. (In Russian)

Yurganov, A.L. "Rozhdenie i transformatsiya 'general'noi linii' TsK VKP(b) v politicheskoi bor'be vtoroi poloviny 1920-kh – nachala 1930-kh gg." [The birth and transformation of the "general line" of the Central Committee of the VKP(b) in the political struggle in the second half of the 1920s – early 1930s]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*, no. 7 (2021): 83–113. (In Russian)

Zelenin, I.E. *Stalinskaya "revolyutsiya sverkhu" posle "velikogo pereloma". 1930–1939: politika, osushchestvlenie, rezul'taty* [Stalin's "revolution from above" after the "great turn." 1930–1939: Policy, implementation, results]. Moscow: Nauka, 2006. (In Russian)

Информация об авторе

Юрий Николаевич Тимкин – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, <https://orcid.org/0000-0003-4584-1439>, timkin43@mail.ru, Вятский государственный университет (д. 36, ул. Московская, 610000 Киров, Россия).

Information about the author

Yuri N. Timkin – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, <https://orcid.org/0000-0003-4584-1439>, timkin43@mail.ru, Vyatka State University (36, ul. Moskovskaya, 610000 Kirov, Russia).

Статья поступила в редакцию 03.10.2023; одобрена после рецензирования 12.02.2024; принята к публикации 17.02.2025.

The article was submitted 03.10.2023; approved after reviewing 12.02.2024; accepted for publication 17.02.2025.